

Небо над головой окрасилось в оранжевый цвет, когда опустились сумерки, и скоро наступила ночь. Кушина испустила небольшой вздох, стоя у памятного камня. Ее глаза переходили на имена людей, которых она потеряла. Начиная с покойного мужа и лучшего друга, она лишь на мгновение взглянула на большую тень рядом с ней. Джирайя ничего не сказал, он тоже смотрел на камень.

"С тех пор как ты вернулся, Какаши часами не отходит от этого камня. Даже снова начал смеяться. Не думаю, что этот парень делал это за двенадцать лет". прокомментировал Гама-саннин, скрестив руки.

Это мало чем помогло облегчить ее беспокойство за последнего живого члена команды Минато. Она не была рада узнать, что его привычка проводить здесь невероятное количество времени с годами не уменьшилась.

Кушина не могла вспомнить, когда в последний раз Какаши говорил с искренней радостью в голосе. С тех пор как погибли Обито и Рин, на его совести было огромное чувство вины. Он всегда винил себя, заставляя терпеть столько трагедий вокруг себя.

Кушина не знала, как Какаши смог столько вынести, но она не могла не гордиться его стойкостью и выносливостью.

"Многие из этих имен даже не должны быть здесь..." горько заметила Узу.

Джирайя испустил долгий вздох, стоя рядом с ней. Оранжевый свет сумерек медленно уступал место теням, а на небе появлялось все больше и больше звезд. "Многие вещи не должны существовать в этом мире, и все же они существуют. Я действительно считаю, что система шиноби не может продолжаться".

"И что мы можем сделать, Джирайя?" Это была не критика, а честный вопрос. "Мы - ниндзя; мы покупаем хлеб насущный на кровные деньги. Что мы знаем о мире? Наши руки в крови".

Джирайя скрестил руки: "Значит, ты даже не собираешься пытаться искать выход?" Он сделал паузу, его следующие слова были выбраны намеренно, зная, что они произведут наибольший эффект. "Твоя бабушка сделала бы что-нибудь, чтобы сделать мир лучше".

Он увидел, как ее рот открылся, готовый вырваться яростный ответ. Но вместо этого она сдержалась, стиснув руки. "Но ее здесь нет... Я не знаю, что бы она сделала".

"Это не значит, что ты не должна пытаться", - заметил мудрец. "Иначе Наруто просто переживет свои собственные войны, как это сделали мы".

На этот раз она не смогла сдержать гневный рык: "Я постоянно слышу о том, что "я должна сделать". Но я не могу не думать, что "ты мог бы сделать"" Она повернулась к нему лицом,

фиалковые глаза были в ярости. "Ты продолжаешь плакать о состоянии мира, и знаешь что? Он такой из-за тебя. Из-за таких, как ты, ниндзя, которые никогда не оспаривали приказы. Мы в таком положении, потому что Хаширама был слишком идеалистичен, а потом переложил проблемы своего поколения на следующее, и имел наглость назвать это "Волей Огня", хотя на самом деле это просто оправдание".

Любой другой ниндзя был бы готов ударить ее за оскорбление того, что они считали священным для своей деревни. Но Джирайя просто слушал.

"И я... Я тоже являюсь частью этой проблемы", - ее взгляд опустился в стыде.

Так много мертвых тел осталось позади ее цели отомстить... Как она собиралась сделать так, чтобы Наруто не пережил этого? Она не была Минато...

Прошло несколько минут молчания, казалось, наступила ночь, прежде чем Джирайя снова заговорил.

"Только во время Второй войны я полностью осознал это", - его голос был тяжелым, наполненным эмоциями. "Хотя жабы тренировали меня с юности, учили меня своим методам и философии, я никогда не видел... пока не увидел трупы после того, как осел дым, как ниндзя, так и не-ниндзя".

Так много бессмысленных смертей.

"После этого я путешествовал по миру, видел жизни, разрушенные жадностью и мелочными обидами, пока не смог больше смотреть на это, - пробормотал он, - Я вернулся к жабам, сказал им, что готов стать мудрецом... и тогда Великий Старец дал мне последнее пророчество" Фиолетовые глаза снова обратились к нему в ожидании. "Что я найду и обучу того, кто изменит мир, этот ребенок когда-нибудь разрушит его или спасет. Когда-то я думал, что это будет... кто-то другой. Потом я встретил Минато, он был таким... удивительным, таким ослепительным...".

На этом Кушина не смогла удержаться от еженедельной улыбки. Он точно был...

"А потом..." Джирайя вздохнул с чувством вины и меланхолии. "Он тоже умер. Я думал, что это пророчество - старая жаба, наконец, состарилась", - вскоре улыбка снова появилась. "Но потом я встретил того замечательного мальчика, которого вы с Минато привели в этот мир, и понял, что, возможно, он..."

"Нет"

Слова были произнесены с такой яростью, что мудрец запнулся. "Я... что?"

"Нет" В глазах Кушины не было ни малейшего намека на взгляд матери-медведицы. "Не

впутывай моего сына в это, не смей забивать ему голову той же ерундой, что и Минато. Никаких "пророчеств". Вы, глупые старики, должны отвечать за свои ошибки и исправлять их. Мой Наруто не будет нести на своих плечах тяжесть всего мира из-за ошибок других людей".

"Слушай, я понял..."

"Ты понял?" спросила Кушина с недоверчивым взглядом; "Как, черт возьми, ты можешь это понять? У тебя нет детей, Джирайя. Возможно, меня не было здесь в течение двенадцати лет жизни Наруто, но сейчас я здесь. И будь я проклята, если мой сын окажется таким же разбитым, как Какаши. И будь я проклята, если он умрет, как Обито и Рин!". В ее глазах разгорался огонь, когда она прорычала в конце со страстью и яростью. "Мой сын не будет фигурой, которая стирает все грехи прошлого, совершенные людьми, которые не смогли сделать эту работу сами! Не говоря уже о том, чтобы спасти весь этот чертов мир!"

Как бы она ни любила своего мужа, его идеализм иногда доводил ее до бешенства. Именно поэтому Джирайя мог раздражать ее своими поучениями. Кушина не была идеалисткой, ее бабушка Цукико не была идеалисткой.

А идеализм приводил только к действиям.

Джирайя просто молчал, слушая речь Кушины. Жабий мудрец не меньше минуты смотрел на рыжеволосую, прежде чем открыть рот. "У меня есть дочь..."

Как-будто ранние сверчки, которые начали свою песню с наступлением ночи, внезапно исчезли. словно не было ветра, нежно шелестящего по листьям. Все вокруг превратилось в вакуум абсолютной тишины.

Кушина готова была поклясться, что слышит стук собственного сердца рядом со своими ушами, но она почти не обращала на него внимания, словно ее разум внезапно покинул тело и теперь блуждал в астральном плане, пытаясь осмыслить слова, которые только что прозвучали из уст Джирайи.

Она не могла придумать никакого ответа, способность мыслить связно вдруг пропала для нее. Поэтому она сказала единственное, что могла, самым красноречивым образом.

"На хрена?"

"Да, у меня есть дочь", - ответил Джирайя, неловко почесывая нос. "Ее зовут Юма. Ее мать... женщина, которую я встретил во время своих путешествий".

Узумаки глубоко вздохнула и сосчитала до десяти. "Хорошо", - медленно произнесла она, пытаясь обработать эту информацию. "Как давно это было?"

"Примерно", - он, казалось, сжался под ее взглядом, - "Двадцать... лет?".

Резкий вдох предвещал крик, подобного которому не было, но рыжая сдержала его, глубоко сжав кулак и выпустив свое разочарование со всем его приглушенным негодованием.

На этот раз она досчитала до двадцати.

"И" Надо отдать ей должное, Кушина изо всех сил старалась сохранять спокойствие. "Ты не сказала Минато и мне, потому что...?" Она махнула рукой, побуждая его к ответу. Быстро.

"Ну, это сложно", - заикался он, - "Это связана с тем, кто ее мать, или, скорее, с теми, на кого она работает".

"М-м-м. И кто они?"

Джирайя пробормотал что-то невнятное.

"Что?" Кушина повернулась к нему ухом, чтобы лучше его расслышать.

"Ка... кен"

"Так и не поняла".

Он резко выдохнул. "Кагекен"

Кровь отхлынула от лица рыжеволосой; "Кагекен..."

"Юма тоже работает на них... На полставки", - быстро проговорил Джирайя.

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1771548>